

Девушка, испуганная холодным и строгим выражением лица Чжан Ияо, поспешно ответила:

— Меня зовут Ин-эр, раньше я служила старому господину Чжану, а теперь работаю у госпожи Янь.

Чжан Ияо взглянул на неё внимательнее. Лицо девушки было бледным, без румянца, губы бескровные, тело худое и слабое. Внезапно он схватил её за запястье, крепко держа в руке, и девушка от страха не могла вымолвить ни слова.

— Третий молодой господин... что вы делаете? Мужчины и женщины не должны...

Девушка отчаянно пыталась вырваться, но когда она уже собиралась закричать, Чжан Ияо вздохнул:

— Если ты хочешь, чтобы твой ребёнок погиб, кричи!

— Ах...

Ин-эр тут же замолчала, тихо умоляя:

— Умоляю, не говорите госпоже Цин, иначе меня убьют.

Чжан Ияо отпустил её руку и вздохнул.

— Если ты беременна, ешь больше, хотя бы ради ребёнка.

— Спасибо... третий господин!

Девушка была покорной и наивной, не понимая смысла его вздоха.

«Ладно, даже если этот ребёнок родится, его мать не сможет его защитить. Лучше, чтобы он ушёл незаметно, чем страдать, как Ияо».

Судя по тому, как он сжал её руку, Чжан Ияо понял, что ребёнок Ин-эр, вероятно, уже мёртв. Молодая девушка, переживающая потерю ребёнка, была жалка. Но почему её ребёнок внезапно умер?

— Сестра Ин-эр, ты в последнее время что-нибудь ела? — спросил Чжан Ияо, пытаясь намекнуть.

— Госпожа Цин недавно начала готовить для всех служанок травяные отвары. Я тоже их пила, но в последнее время после них у меня начинает болеть живот...

Она говорила с наивностью, не понимая происходящего.

Цин-нян хорошо разбиралась в медицине. Эти отвары, вероятно, были безвредны для обычных женщин, но если кто-то из служанок была беременна, её тело, и без того более чувствительное, реагировало на эти «полезные» снадобья... Чжан Ияо понял, что Цин-нян была настолько зла, что, вероятно, ребёнок умер в утробе уже давно. Но Ин-эр, будучи молодой матерью, не понимала этого, и теперь мёртвый плод угрожал её жизни.

— Сестра Ин-эр, завтра праздник омовения Будды... Пойдём с нами. Не говори отцу, что я знаю об этом. Когда всё будет готово, я попрошу вдовствующую императрицу дать тебе имя, хорошо?

— Правда?

Ин-эр упала на колени, кланяясь и улыбаясь.

— Я не знаю, как благодарить вас, господин... У меня ничего нет, только этот ребёнок...
Пожалуйста, помогите мне!

Чжан Ияо горько улыбнулся и кивнул.

Гу Фаньшуан, всю жизнь обманывавший людей, впервые почувствовал стыд за свой обман. Молодая девушка стала жертвой этого злого дома, и её ребёнка уже не спасти. Он лишь надеялся, что перед смертью этот ребёнок сможет помочь своей матери.

Государство Великая Лян сделало буддизм своей государственной религией. Каждый год в день рождения Будды вся страна соблюдала восемь заповедей: не убивать, не воровать, не прелюбодействовать, не лгать, не пить алкоголь, не украшать себя, не спать на высоких и широких кроватях и не есть в неуточное время. Люди омывались, переодевались и молились, зажигая благовония.

С тех пор, как Гу Фаньшуан себя помнил, женщины Великой Лян, попадая во дворец, не могли покинуть его живыми. Поэтому каждый год вдовствующая императрица использовала праздник омовения Будды, чтобы выйти из дворца и увидеть своих внуков. Раньше Чжан Ияо часто болел, и Чжан Цзыцин всегда мешал его встречам с бабушкой, поэтому единственным временем, когда они могли видеться, был этот праздник.

Иногда вдовствующая императрица не хотела выходить из дворца, но, вспоминая своего внука, оставшегося без матери, она всегда поднималась в горы, независимо от погоды или своего здоровья.

Однажды Чжан Цзыцин солгал, что Ияо серьёзно болен и не может прийти. Вдовствующая императрица разгневалась и заболела на горе, напугав императора Лян. Он приказал во что бы то ни стало доставить Ияо на гору Девяти Небес, и Чжан Цзыцин был вынужден принести его туда на кровати.

В прошлые годы на праздник омовения Будды Чжан Цзыцин и Ияо ходили вдвоём с несколькими слугами, встречались с вдовствующей императрицей и возвращались. Но в этом году семья Чжан удивительно торжественно готовилась к празднику. Кроме Цин-нян и госпожи Янь, все женщины семьи также собирались пойти.

— Не слишком ли много людей? — тихо спросил Фэн-гэ.

— Ты не знаешь? Говорят, что в этом году на праздник придут несколько принцев. Наследник престола даже прислал сообщение, что пойдёт с нами!

Как только А Да закончил, Чжан Ияо тут же сделал ему знак, и тот незаметно встал рядом, притворяясь, что следит за ним.

— Наследник престола тоже пойдёт? Неудивительно, что Чжан Чэньци с утра стоит у входа, ожидая его!

Он холодно усмехнулся.

— Видимо, быть влиятельным — это хорошо, когда тебя ждут!

Чжан Ияо вздрогнул, обернувшись. За ним стоял четвёртый принц Сяо Цзиньни. Когда он успел подойти?

— Четвёртый принц, если вы так завидуете, можете последовать примеру наследника престола и посвятить себя государственным делам или сражениям на поле боя. Тогда вас будут ждать не меньше, — с лёгкой насмешкой произнёс Чжан Ияо.

Сяо Цзиньни нахмурился, словно говоря сам себе:

— Но если я войду в этот водоворот, боюсь...

— Вы не выглядите как человек, который боится. С вашими связями с генералом, скорее, дворцовые господа должны бояться вас!

Выражение лица Сяо Цзиньни было отстранённым и холодным. Он лишь тихо произнёс:

— Я боюсь, что ты отдались от меня.

Чжан Ияо на мгновение растерялся, не зная, что ответить, и лишь тихо произнёс:

— О,

после чего отвернулся.

Сяо Цзиньни действительно не понимал, что сказал не так, и лишь горько усмехнулся.

— Не ожидал, что четвёртый брат придёт так рано! Вчера он говорил, что хочет увидеть Ияо, и вот он здесь! — с улыбкой сказал наследник престола Сяо Цзиньчэнь.

— Старший брат... ты шутишь!

— Вчера посыльный сказал, что Гу Яо придёт... Но где он сейчас?

Чжан Чэньци, стоявший рядом с наследником престола, улыбнулся:

— Наверное, он уже ждёт вас на горе Девяти Небес. Может, нам стоит поторопиться?

Чжан Ияо усмехнулся:

— Гу Яо придёт? Как второй брат узнал? Я не слышал, чтобы Гу Яо говорил об этом. Я помню, он ненавидит слушать сутры и не выносит запаха благовоний.

Конечно, это была ложь. Чжан Ияо заметил, как лицо наследника престола потемнело от гнева, но тот сдержался, не желая показывать свои эмоции перед всеми. В душе Ияо почувствовал удовлетворение.

— В конце концов, второй господин Чжан действительно умеет угадывать, что нравится мужчинам. Может, Гу Яо действительно изменил свои привычки! — наследник престола, казалось, шутил, но в душе ненавидел такое поведение. Все эти разговоры о вечной любви были лишь способом добиться своих целей.

— Наследник престола шутит!

Чжан Чэньци отвернулся, злобно посмотрев на Чжан Ияо.

— Шучу? Никогда! — наследник престола холодно фыркнул и сел в карету.

Через некоторое время все начали садиться в кареты. Когда очередь дошла до Чжан Ияо, Чжан Чэньци вдруг остановил их:

— Ияо, ты нездоров, лучше сядь в карету и отдохни.

Он протянул руку, чтобы помочь ему войти.

— Второй брат, спасибо за заботу, но я могу пройти эти несколько шагов.

Чжан Ияо не принял его руку, и Чжан Чэньци остался с протянутой рукой, чувствуя себя униженным.

Чжан Чэньци с трудом сдерживал гнев. Он был так любезен, а Чжан Ияо так бесцеремонно его отверг. Он взглянул на Сяо Цзиньчэня, стоявшего неподалёку, но тот, казалось, не заметил его унижения.

— Четвёртый принц, лучше ехать с наследником престола, а я поеду с Ияо, — сказал он, пытаясь сохранить лицо.

— Сегодня я хочу ехать с Ияо, — Сяо Цзиньци сказал это прямо, без колебаний.

— Я люблю одиночество. Лучше вы поезжайте с наследником престола, иначе, если с четвёртым принцем что-нибудь случится, я не смогу объяснить.

Чжан Ияо знал, что Чжан Чэньци планирует действовать быстро. Он боялся, что свадьба с семьёй Ань сорвётся, и хотел всё уладить как можно скорее.

<http://bllate.org/book/16708/1535584>